

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.71-85

СТОЛЕТИЙ ЮБИЛЕЙ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА: ВАРИАНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В.В. Бахтурин

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

Статья посвящена практикам увековечения имен декабристов в первой половине 20-х годов XX в. в различных геокультурных ландшафтах на примере юбилейной кампании, включавшей в себя составление программы мероприятий, цели и задачи, стоявшие перед общественными деятелями и ученой корпорацией историков, а также методы и средства конструирования прошлого в различных регионах. Исследование выполнено на материалах Москвы и Ленинграда, Украинской ССР и сибирских городов. На основе проанализированных источников сделан вывод о том, что столетний юбилей восстания декабристов отразил спектр различных способов репрезентации события конца 1825 г. Он способствовал формированию политического мифа о «первом поколении революционеров», национализации восстания в украинском общественном сознании, а также героизации декабристов и ссыльного периода их жизни в сибирской региональной традиции.

Ключевые слова: юбилей, восстание декабристов, историческая память, коммеморативные практики, «места памяти»

Историческая память является одной из широко обсуждаемых в исторической науке проблем. В ее рамках исследователи затрагивают различные сюжеты, в том числе юбилейные практики, являющиеся мощным катализатором репрезентаций исторических событий в обществе. Юбилейные кампании способны трансформировать или закреплять уже существующие культурные стереотипы, формировать новые, активизировать мемориальные практики в социальной среде. В ряду крупнейших событий особое место занимает столетие восстания декабристов, которое стало знаковой вехой в исторической политике молодого Советского государства. Определение специфики конструирования исторической памяти о декабристах в 20-е годы XX в. остается актуальным и в наши дни в связи с теоретическими и практическими проблемами конструирования исторической памяти.

Несмотря на наличие огромного пласта научных работ по истории и историографии движения декабристов, интересующая нас тема еще не стала предметом специального изучения, хотя отдельные ее фрагменты присутствуют в историографии. Проблема формирования исторической памяти о декабристах и соответствующих юбилейных практиках выкристаллизовывалась постепенно.

Определенные наработки в этой области связаны с проблемным полем историографии. Отметим имена таких ученых, как М.В. Нечкина, М.Н. Покровский, В.Д. Виленский-Сибиряков. Свои размышления о столетнем юбилее восстания декабристов они представили в статьях по завершении самого празднования [1–4].

В мемориальном повороте рубежа XX – XXI вв. тема юбилея восстания декабристов обретает уже более определенный ракурс, так как начала активно развиваться проблематика исторической памяти. Ученые сосредоточились на изучении восприятия события российским обществом, в частности – на его мифологизации. При этом в хронологическом плане данный аспект рассматривался на материале рубежа XIX – XX вв. или рубежа XX – XXI вв., минуя советский период, хотя в первые десятилетия наступившего столетия имели место попытки осмысления и переосмысления юбилея декабристов в пространстве 20–30-х годов XX в. В этом плане отметим работы М.В. Ковалёва по русской эмиграции [5; 6]. Историографическая канва и академическая культура 20-х годов XX в. в декабристоведении представлена современными украинскими учеными Г.Д. Казьмирчуком и Ю.В. Латышем [7]. Тем не менее ощущается недостаток в сравнительном анализе сценариев юбилея и их воплощения в различных геокультурных ландшафтах, отличающихся своими традициями.

В настоящей статье рассматриваются три геокультурные области: Москва и Ленинград как инициаторы и организаторы проведения юбилейной кампании (здесь оформлялись концептуальные подходы, манифестировались политические позиции и в отношении самого восстания, и в праздничной коммеморации); Украина как национальный центр декабристоведения; Сибирь, где сформировалась провинциальная региональная традиция в изучении политической ссылки. Данные области выбраны не случайно. Они так или иначе связаны с восстанием декабристов: Ленинград занимает центральное место в событии декабря 1825 г. (восстание на Сенатской площади); Москва как новая столица не могла остаться в стороне и включилась в коммеморативную кампанию; Украина имела собственных героев восстания – Черниговский полк; Сибирь же значится как место ссылки и каторги, куда были отправлены декабристы по приговору Николая I.

Источниковая база исследования включает в себя историографические источники, к числу которых отнесем литературу, приуроченную к столетию восстания декабристов. В ней отражены мнения ученых-историков и их интерпретации восстания, что, в свою очередь, раскрывает одну из распространенных практик увековечения памяти о событии прошлого. Кроме этого, настоящая работа базируется на материалах периодической печати первой половины 20-х годов XX в., которая включает в себя как центральные газеты и журналы («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», «Каторга и ссылка»), так и местные периодические издания (например: иркутская газета «Власть труда», «Советская Сибирь», выходившая в Ново-Николаевске, и др.). Сведения периодики дают возможность описать социокультурный фон эпохи, раскрывающий исторический контекст, а также в источниках отражены различные формы коммеморации.

Советская идеология, формировавшаяся в 20-е годы XX в., нуждалась в прочном основании. Легитимация власти, как правило, сопровождается апелляцией к истории. В нашем случае – к революционной традиции, которая инкорпорировалась в новую праздничную культуру [8, с. 684–685]. В основу мероприятий

легли праздники, посвященные освободительным движениям, в числе которых восстание Степана Разина, пролетарская революция 1905–1907 гг. и выступление декабристов на Сенатской площади. Последнее событие оказалось не случайным в этом перечне: одной из знаменательных дат в 1925 г. было столетие с момента выхода офицеров-заговорщиков на Сенатскую площадь и попытки свершения ими государственного переворота.

Чем обосновывается такая заинтересованность политического руководства в этой дате, и какое место занимало это событие в череде революционных потрясений? Обратимся к материалам полемики, развернувшейся в начале 20-х годов на страницах газет «Рабочая Москва», «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и др. В ней приняли участие историки, журналисты и государственные деятели. Председатель Истпарта М.С. Ольминский выступил с критикой идеи празднования столетия восстания декабристов. Автор не считал необходимым ставить памятники и вспоминать людей, которые, по его словам, предали молодых солдат и вывели их на заклание царскому правительству (НПЮ, с. 19).

Статья вызвала бурную реакцию в среде историков и бывших партийцев. В декабре 1923 г. в разных газетах стали звучать обвинения в адрес М.С. Ольминского и высказывалось мнение о значимости юбилейных мероприятий. Например, руководитель Общества бывших политических каторжан В.Д. Виленский-Сибиряков, член Коминтерна Г.М. Крамаров, член Общества старых большевиков С.И. Мицкевич и руководитель Центрархива М.Н. Покровский отмечали непрофессиональный подход М.С. Ольминского к теме движения декабристов и поспешность сделанных им выводов (НПЮ, с. 29; Пол.честв.).

В своих полемических заметках исследователи опирались на идею о важности почитания революционной традиции как ценностной установки. «Вписывание» или «невписывание» декабристов в эту традицию было принципиальной позицией. Мнение, что восставшие на Сенатской площади и в Чернигове были революционерами, поскольку в своей борьбе с самодержавием они руководствовались тактикой вооруженного выступления, у многих не вызывало сомнений. Тем более что на это обращал внимание в своих сочинениях В.И. Ленин, который в один ряд с разночинцами, народолюбцами, пролетариатом ставил декабристов, отводя им роль первого поколения революционеров (Пам.Герц., с. 261). Данная позиция использовалась некоторыми историками как весомый аргумент в вопросе о важности празднования столетнего юбилея восстания декабристов [4, с. 4]. В итоге полемика конца 1923 г. поставила точку в решении вопроса о необходимости увековечения в 1925 г. памяти восставших. Декабристы были включены в пантеон российских революционеров.

Вместе с тем не стоит преувеличивать значимость столетнего юбилея восстания декабристов в исторической политике государства на данном этапе. Как известно, это событие совпало с еще одной круглой датой – двадцатилетием революции 1905–1907 гг. Поэтому о доминировании одного праздника над другим говорить не приходится. Скорее, оба события комплементарно дополняли друг друга и служили дополнительными регуляторами «диалога» власти с обществом.

Столетний юбилей восстания декабристов, имевший идеологическое значение, был включен в перечень ближайших крупных мероприятий, требовавших

тщательной подготовки. В конце 1923 г. были образованы две юбилейные комиссии. Главными учредителями выступили Центральный архив Москвы и Общество бывших политкаторжан. Председателем первой комиссии являлся историк М.Н. Покровский, а второй – член Общества политкаторжан А.В. Якимова-Диковская.

Во многих городах учреждались местные комиссии по подготовке к столетнему юбилею. Кроме того, в организации мероприятий участвовали общественные институты и учреждения. Их список широк и приводится в протокольных записях Общества политкаторжан: двенадцатая опытная школа Московского отдела народного образования (МОНО) «Памяти декабристов», Библиотека им. В.И. Ленина, Военно-научное общество, Общество любителей российской словесности, Общество старых большевиков и ряд других (Подг.юбил., с. 296–297).

Исходя из того, какие учреждения были задействованы в организации праздничных мероприятий, можно легко определить состав участников – организаторов и лиц, оказывавших содействие в подготовке юбилейных торжеств. В основном это были историки, публицисты, литераторы, писатели, служащие архивов, музеев, библиотек и т. д. Например, в их число входят В.Н. Фигнер, М.М. Чернавский, В.А. Плесков, С.Я. Штрайх и др.

Переходя к проблеме реализации юбилейной программы, важно не только зафиксировать и оценить масштаб мероприятий, но и определить формы и методы, с помощью которых сценарий воплощался на практике в выделенных нами геокультурных ландшафтах.

К числу продуктивных способов информирования общества о восстании декабристов относилось проведение торжественных заседаний, открытых лекций, вечеров памяти. Подобная практика позволяла создать пространство для диалога между участниками, обсуждения и восприятия ими прошлого. Чаще всего мероприятия проходили в залах театров. Например, 29 декабря 1925 г. в Москве вечер памяти декабристов состоялся в Академическом театре оперы и балета (ТМС). Широкий размах приняла деятельность клубов и художественных кружков, однако она не предполагала развлекательного характера. Сотрудник Главполитпросвета С.И. Корев определял целью клубных вечеров не празднование восстания декабристов, а разъяснение его значимости в судьбе России (Кор., с. 24–25). Целевая установка данных мероприятий – по завершении встреч присутствовавшие должны были находить в историческом событии первые проблески революционной борьбы, а в декабристах – своих «предшественников».

За счет чего мог быть достигнут такой эффект? В программе мероприятий указывалось, что вначале участникам и зрителям предлагалось обсудить вопрос о значимости проведения столетия выступления на Сенатской площади (Кор., с. 24). Обсуждение проходило в форме диалога с публикой или дискуссии между экспертами. Но более впечатляющими были небольшие спектакли, эмоционально влиявшие на восприятие зрителя. Для художественных кружков составлялись рекомендации, в которых прописывался план, основные действия постановки: быт российского населения в первой четверти XIX в., подготовка заговора, восстания декабристов в Петербурге и Чернигове, подавление восстаний, суд над руководителями движения и последовавшая затем казнь (Кор., с. 24).

Но основной акцент делался на сцене суда, в которой зрителям давали возможность самим выступить в качестве судей и вынести вердикт. Можно сказать, что этот момент был эффективным методом работы с исторической памятью, которую создавали организаторы. В обществе складывалось мнение о тираническом царском режиме и отчаянном подвиге молодых офицеров.

Юбилейная кампания создавала вокруг декабристов ореол первых революционеров. Увековечению имен восставших способствовала мемориализация, выразившаяся в поиске и реставрации захоронений, практике переименования материальных объектов, охранной деятельности, а также в выпуске сувенирной продукции. В Ленинграде была учреждена специальная комиссия с целью поиска захоронений пяти казненных декабристов, результаты работы которой обсуждались учеными на заседаниях в Музее Революции, однако в конечном итоге данная задача осталась невыполненной (ГКД, с. 5).

Активную деятельность в мемориальной практике разворачивали исторические общества «Старый Петербург» и «Старая Москва», ставившие своей целью организацию реставрирования и охраны памятников культуры. На страницах печати часто приводились сведения о находках исследователей и проектах восстановления разрушенных объектов. Общество «Старый Петербург» длительное время проводило поиски могил декабристов, а также зданий близ Сенатской площади. Так, исследователям удалось обнаружить и распознать место захоронения «пионера декабристского движения» К.П. Чернова, храм с могилами семьи Марии и Сергея Волконских (КСЮВ, с. 292). На некоторых могилах устанавливали памятники, а для зданий изготавливались мраморные таблички с надписями. Таким образом, имена декабристов стали встречаться в городском ландшафте.

Значительное место в создании революционного дискурса занимала практика визуализации восстания 1825 г., которая обеспечивалась за счет деятельности общественных, культурно-досуговых и просветительских учреждений. Так, возводились монументы, изготавливались и выпускались на продажу памятные вещи: марки, монеты, посуда и т. п. В конце 1925 г. государственные предприятия (например, Ломоносовский фарфоровый завод) начали выпускать вазы с изображением восстания на Сенатской площади, медальоны, барельефы и блюда с изображением пяти декабристов, которые были казнены в 1826 г. (КС; Чен., с. 734).

Свою роль в коммеморации сыграли архивы и музеи. Богатый фонд материалов был представлен Музеем Революции, руководителем которого являлся член Общества старых большевиков и Истпарта С.И. Мицкевич. Поскольку музей, по его мнению, должен был служить «академией революции» и нести революционный заряд (ОМР), то на экспозициях демонстрировались материалы, отражающие упорную борьбу со старым режимом.

В 1925 г. музей начал сбор материалов для организации крупной выставки по восстанию декабристов: составлялись плакаты, карты, диаграммы, заказывались картины на определенные сюжеты. В конечном итоге на выставке, открывшейся 7 декабря 1925 г., были представлены книги и мемуары из личных архивов декабристов, знамена, мундир генерал-губернатора М.А. Милорадовича, пушки, из которых велась стрельба по восставшим, схемы походов и многое

другое (СП). Всё это презентовало выступление декабристов как народно-освободительное радикальное движение и придавало событию революционные черты.

Другим способом трансляции образа восстания стало издание источников и литературы по истории декабризма. В начале 20-х годов XX в. общественные учреждения, в особенности архивы, ставили перед собой задачу поиска и подготовки к печати художественного и мемуарного наследия декабристов, а также специальных работ, посвященных восстанию. Архивные и музейные фонды стали пополняться материалами благодаря систематизации дел в самих архивах или соучастию членов организаций, местных старожилов и потомков декабристов. В органах печати часто публиковались заметки об обнаружении новых данных или целых архивов, принадлежавших тому или иному участнику мятежа 1825 г. Например, были найдены письма и стихотворения К.Ф. Рылеева, письма из ссылки В.Л. Давыдова и др. (КСЮВ, с. 292). Благодаря этой деятельности расширялся круг участников декабристского движения, что, конечно, говорило о необходимости увековечить память о каждом.

Празднование столетия восстания декабристов ознаменовалось выходом в свет большого количества научных работ. Многие юбилейные сборники выпускались издательствами Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев или Централархива, издательством «Молодая гвардия», а также местными издательствами и редакциями (см., напр., (Дек1; БД; Дек2; ТОВР)).

Тема декабризма в юбилейном контексте 1925 г. на материале центральных городов (Москвы и Ленинграда) носила политизированный характер: история вооруженного выступления 1825 г. пересматривалась не только по причине открытия новых источников, но и в целях трансляции в широкие слои населения новых идеалов и ценностей. Поэтому в работах преимущественно затрагивалась революционная составляющая восстания, социальные программы декабристов, национальный вопрос, республиканизм, федерализм и унитаризм и т. д.

Вторым центром по организации столетнего юбилея выступила Украина, поскольку к декабристам были причислены и деятели Южного общества и Общества соединенных славян, действовавшие на территории Киевской губернии. Здесь были свои герои, память о которых требовалось увековечить. Значительную роль в этой миссии сыграли украинские ученые, поэтому, говоря о праздновании круглой даты восстания декабристов в Украинской ССР, мы подразумеваем юбилейную культуру в академической среде.

Начиная с 1917 г. происходит переориентация внутри декабристологии. С научного поприща уходит старая генерация историков, в том числе основатель киевской школы декабристологии М.В. Довнар-Запольский. Между двумя революциями он выпустил статью о восстании декабристов, оценив его как революционный переворот (Довн.-Зап., с. 5, 70). После 1919 г. ученый прекращает свою работу в Киевском университете и переходит на новую проблематику, не связанную с декабризмом.

В 20-е годы XX в. украинское декабристологическое направление оказалось в состоянии перестройки. Во-первых, внутри научной школы произошла смена поколений ученых и вместе с тем – замена одних методологических подходов на другие. Во-вторых, в начале десятилетия кардинально была перестроена система образования и появились новые институты, что повлекло за собой дифференциацию в среде

научного сообщества. Это, в свою очередь, оказало влияние на тематику исследований, ее расширение. Указанные черты в своей совокупности легли в основу формирующейся юбилейной культуры.

Начало 20-х гг. XX в. ознаменовалось существенными переменами в системе образования Украинской ССР. Реформа коснулась Киевского университета, который был реорганизован в Высший институт народного образования (ВИНО). Руководство над всей научной организацией перешло от университета к Всеукраинской Академии наук (ВУАН). Декабристоведение, оформившееся в научную школу, претерпело процесс дифференциации: движение декабристов изучалось в нескольких учреждениях, не разграничивших между собой сферы интересов.

Столетие выступления декабристов способствовало активному вовлечению украинских ученых в проведение научных мероприятий и побуждало внести свой вклад в оформление декабристского фонда. Однако в силу политических событий начала 20-х годов XX в. подготовка к юбилею в Украинской ССР началась намного позже, чем в других регионах. Окружная комиссия возникла лишь осенью 1925 г. под руководством директора областного Музея Революции А.Н. Яременко. За такой короткий промежуток времени организовать крупномасштабную коммеморативную кампанию было нелегко, поэтому в большей степени организаторы сосредоточились на проведении лекций, бесед и научных заседаний. Необходимо было показать влияние декабристов на национальную историю, установить связь между восставшими и их последователями. Эти проблемы были подняты научным сообществом на юбилейных заседаниях. Ключевой идеей в академической среде стала концепция «украинского декабризма».

В 1925 г. в декабрьском номере журнала «Україна» М.С. Грушевский разместил свою статью, подводившую итоги столетнего юбилея. Историк поставил вопрос, который лег в основу будущей теории: «Украинские декабристы или декабристы на Украине?» (Дек3, с. 22). М.С. Грушевский акцентировал внимание на связи декабризма как политического явления с национальным фактором, который дал о себе знать в украинской общественной жизни после революции 1917 г. Ученый не дал ответа на поставленный вопрос (его статья была лишь постановочной проблемой) и в дальнейшем не участвовал в его разработке и дискуссиях.

Дилемма о декабристах была взята на вооружение членом ВУАН С.А. Ефремовым и профессором ВИНО О.Ю. Гермайзе, которые довели ее до логического завершения в виде концепции «украинского декабризма». Кроме названных имен ее сторонниками были Д.И. Дорошенко, Д.И. Багaley и М.И. Яворский.

Суть концепции заключалась в признании влияния украинских традиций, системы ценностей, уклада жизни на идеологию антимонархических кругов, в том числе на взгляды представителей революционно настроенного дворянства. О.Ю. Гермайзе определил «украинских декабристов» как молодых офицеров, которые принадлежали к украинской интеллигенции, но при этом, не причисляя себя ни к одной из производственных ячеек общества, деклассировались от собственного класса (Дек3, с. 81–82). В качестве критериев историк использовал принадлежность к той или иной экономической прослойке и национальное самосознание.

Выделим основные черты, присущие концепции «украинского декабризма». Во-первых, освещение декабристского движения в национальном дискурсе.

Историки стремились придать историческому событию «украинские» черты. Следствием этого явилась вторая важная особенность – украинизация прошлого. Движение декабристов превращалось в обособленное от России явление. Прошлое стало переписываться, для него потребовалось построить собственную методологию, составить собственную периодизацию и т. п. В-третьих, в работах ученых внимание акцентируется на деятельности не Южного общества, как принято считать, а Общества соединенных славян.

В своих докладах киевские профессора указывали на особую «внутреннюю силу», которая выдвигала на политическую сцену радикальные группировки (ДекЗ, с. 24, 77). Важным фактором в развитии тайных обществ в Новороссии считалась украинская традиция, повседневный уклад. Причем историки имели в виду не только общественно-политическую нестабильность, социальный гнет и крепостнический строй. Культурный код, заложенный в украинской культуре, ментальная основа – вот движущие силы освободительного движения.

Восстание декабристов явилось страницей истории, которая активно стала «приватизироваться» украинскими учеными. Поскольку в членах южных тайных обществ видели идеологов национально-освободительного движения, то их историю начали представлять как особый феномен, характерный только для Украины. Например, масонские ложи в первой четверти XIX в. С.А. Ефремов не считает украинским явлением, они им станут лишь под воздействием «украинских традиций» в 40-е годы в деятельности Кирилло-Мефодиевского братства (ДекЗ, с. 25–26). Этот пример иллюстрирует стремление историков окрасить прошлое в национальные тона.

Концепция «украинского декабризма» стала заключительной фазой кампании по увековечению памяти декабристов на Украине. Однако такой национальный, или даже националистический пафос, с каким выступила украинская профессура, имел серьезные последствия. Стремление украинизировать российскую историю и уйти от ленинских постулатов вызвало недовольство со стороны советских ученых. Судьба концепции была решена на Всесоюзной конференции историков-марксистов в 1928–1929 гг. Полемика об интерпретации декабризма превратилась в «поле битвы» между двумя историографическими традициями. Апологетами концепции выступили члены украинской делегации О.Ю. Гермайзе и З.И. Гуревич, ее оппонентами и критиками – М.В. Нечкина и М.Н. Покровский.

В конечном итоге концепция «украинского декабризма» оказалась непризнанной, а вместе с ней – весь накопленный за время столетнего юбилея историографический «багаж» киевской школы. Кроме того, украинское декабристоведение прервало свою традицию на несколько десятилетий, национальная историография «ассимилировалась» и окончательно стала именоваться «советской».

Революционные праздники как неотъемлемый механизм новой политической культуры и ее транслятор проводились и в Сибири. Поскольку события или герои прошлого воспринимались населением регионов сквозь призму собственной (местной) истории, праздничная атмосфера передавалась через различные по своему содержанию практики, способные подчеркнуть уникальность края, области.

Сибирская ссылка – это отдельный эпизод в жизни декабристов. Здесь они были включены в другую социокультурную среду, смогли внести в нее вклад,

который не был забыт местными жителями. Поэтому не случайно, что интерес к изучению политической ссылки и роли декабристов в развитии сибирской культуры заметно возрос к тому моменту, когда началась подготовка к столетнему юбилею. В сибирских городах значительную роль в организации праздничных мероприятий сыграли местные власти, отделения Общества политкаторжан и общественные объединения наподобие акционерных компаний, издательств, музеев и т. п. Материалы газет и журналов свидетельствуют о создававшихся в Чите, Красноярске, Иркутске, Томске и Тобольске специальных юбилейных комиссиях (ПКЮД; *Общ.из.кр.*, с. 39; Г.Р.).

Установки по увековечению памяти, задаваемые Москвой, организаторы праздника стремились воплотить на региональном уровне. Можно ли выделить здесь специфические практики, которые подчеркивали бы уникальность геокультуры?

Программные положения были четко сформулированы иркутскими историками и общественными деятелями М.К. Азадовским, М.Е. Золотарёвым и Б.Г. Кубаловым в 1925 г. Программа включала в себя следующие мероприятия: 1) организация при местных музеях «Уголка декабристов»; 2) установление мест захоронения декабристов и реставрация могил; 3) систематизация архивных документов и создание фондов по истории декабризма в Сибири; 4) проведение в учебных заведениях занятий по истории движения декабристов; 5) экскурсионная и экспедиционная деятельность; 6) публикация специального сборника, освещающего деятельность сосланных декабристов в Сибири.

Содействие в осуществлении программы оказывали общественные учреждения сибирских городов: краеведческие музеи, университеты, архивы и др. Значимым звеном являлись горожане, нередко принимавшие участие в проведении коммемораций. В их числе были потомки ссылных и старожилы, сохранившие реликвии, оставшиеся от декабристов, а также те, кто был заинтересован в увековечении памяти сибирских «просветителей». Известно, что сибиряки добровольно делали пожертвования на сооружение памятников и комплексов при музеях, оформление юбилейных выставок (Вег.).

В конце 1925 г. в городских музеях открывались выставки, посвященные деятельности декабристов. Сами музеи выступали богатым «складом» ценных экспонатов и артефактов, оставшихся от эпохи декабризма. Музейные коллекции в 20-е годы оформлялись за счет материалов, добытых исследователями в ходе полевых экспедиций или передаваемых старожилыми и потомками. Например, Музей Революции в Тобольске обогащался дагеротипами с портретов или картин, письмами и перепиской, положениями о водворении декабристов на поселение, документами о денежных средствах, на которые жил тот или иной деятель, печатными изданиями, проектами и зарисовками домов и усадеб.

Однако создать специальный «Уголок декабристов» было затруднительно. В 20-е годы на территории Восточной Сибири наблюдался кризис музейного строительства. Появление значительного числа культурных учреждений сопровождалось большими затратами, расхищением реликвий, проблемой распределения ресурсов и др. Несмотря на это, в некоторых городах (Тобольск, Иркутск) удалось открыть крупные выставки, посвященные сибирской ссылке и роли декабристов в ней.

Важным элементом коммеморации в сибирском регионе стала экспедиционно-поисковая деятельность, в рамках которой собиралась информация фольклорного жанра: устные рассказы, предания и легенды о декабристах. Кроме того, в ходе этой деятельности на местах захоронений проводилась реставрация могил декабристов. Данные о декабристах собирали студенты высших учебных заведений, краеведы, местные комиссии по подготовке столетнего юбилея. Территориально были охвачены области Западной и Восточной Сибири и Бурят-Монгольской АССР.

Организатором по осуществлению экспедиций в Иркутской области был исследователь и архивист Б.Г. Кубалов (1879–1966). Занимая должность заведующего Губернским архивным бюро, он вел активную деятельность по систематизации фондов и поиску материалов по истории сибирской ссылки. Он принимал студентов историко-филологического факультета Иркутского университета на практику как в архив, так и в экспедиции [9, с. 168]. Полевая экспедиция представляла собой поездки по окрестностям Иркутской области, ведение поисковой деятельности на местах захоронений, сбор материалов и вещей, сохранившихся со времен декабристов, а также опросы местного населения.

Юбилей как форма праздничной культуры не мог обойтись без проведения массовых мероприятий, в которые была вовлечена значительная часть населения. Пик таких мероприятий пришелся на декабрь 1925 г., когда устраивались открытые лекции, чтения докладов, вечера памяти и прочие собрания, на которые приглашались представители разных социальных слоев: рабочие, школьники, члены партийных структур, красноармейцы. Доклады затрагивали сюжеты, связанные с революционной тематикой. Это было необходимо в целях донесения до населения мыслей о преемственности между декабристами и большевиками, разъяснения тактики их борьбы с самодержавием. В Иркутске 25 декабря в здании Музея Народоведения для собравшейся публики М.М. Трофимова и А.И. Михайловская читали доклады о возникновении и деятельности тайных обществ с демонстрацией диапозитивов – портретов руководителей восстания и картин восстания (ПЮД).

Наряду с этим в ознаменование столетия восстания декабристов в сибирских областях была задействована форма социального обеспечения, выражавшаяся в выплате денежных пособий. Они предоставлялись потомкам декабристов. В газеты попал случай, связанный с обращением Лидии Степановны Бечасной, вдовы сына декабриста В.А. Бечасного, в юбилейную комиссию с просьбой предоставления ей ежемесячного пособия (КЮД). Это дело дошло до Общества политкаторжан, и в конечном итоге прошение было удовлетворено.

Юбилейная литература в Сибири представлена отдельными сборниками, монографическими изданиями или очерками (Дек4; Куб.). В них нет единых для всех идеи или концепции, общих методологических позиций. Конечно, историки понимали сущность праздника и ключевую идею, которая была заложена инициаторами юбилея, подчеркивая в своих статьях значимость восстания в истории русской революции. Однако авторы ставили перед собой конкретную цель: осветить вклад декабристов в культурную жизнь региона. Это определяет поле исследовательских интересов: объектами выступали не политическая сфера и идеология декабризма, а культура и социальные отношения. Поэтому на первом

плане находились проблемы изучения декабристами сибирской земли, их влияния на традиции и уклад сибиряков, а также народная память о декабристах. В связи с этим декабристы изображались авторами как культурные герои и просветители.

В целом, в коммеморативных практиках, проводимых сибирскими городами, наблюдается как следование линии центра (Москвы и Ленинграда) в представлении декабризма в свете истории российской революции, так и уход от нее, выразившийся в подчеркивании региональной специфики исторической памяти. В музейных выставках, на торжественных собраниях делался акцент на памяти о восстании, освободительной борьбе против самодержавия. Но наряду с этим мы не можем не отметить возрастающий интерес к истории политической ссылки и месту декабристов в ней.

Коммеморативные практики в своей совокупности формировали в сибирских городах исторический ландшафт, придавая им облик «городов декабристов». В 20-е годы XX в. рождались сибирские «места памяти», представленные как Сибирью в целом, как сибирскими городами, так и элементами городской инфраструктуры (культурно-досуговыми учреждениями, мемориальными комплексами и т. д.). Это были не только места – объекты, сознательно конструируемые политическими силами, но и очаги социальной памяти – памяти сибирского населения о декабристах. И это была еще живая память, что стало отличительной и важной, на наш взгляд, чертой юбилея.

Проанализировав имеющиеся источники и литературу, мы приходим к выводу, что столетний юбилей выступления декабристов сыграл определенную роль в социокультурной жизни советского общества первой половины и середины 20-х годов XX в. В коммеморативных практиках отражен спектр различных способов репрезентации события конца 1825 г. В силу разнородности географических областей, их особого культурного и экономического уклада, связи с теми или иными сюжетами восстания 1825 г., а затем судьбой его участников восприятие события в значительной степени различалось, что и нашло свое отражение в юбилейных программах и мемориальных практиках.

Москва и Ленинград сконструировали политический миф о «первом поколении революционеров». В процессе коммеморации вокруг личностей декабристов формировался революционный дискурс. Сами коммеморативные практики представляли собой набор конструкторов, предназначенных различными способами заявить обществу о героическом подвиге восставших в декабре 1825 г. и связать его с существующей действительностью.

Украинская Советская Социалистическая Республика выступала вторым крупным центром по празднованию столетнего юбилея. Особое значение он приобрел в академической среде, где были заложены концептуальные основы праздника в национализированном ключе. Историки отказывались искать революционную природу явления, напротив, уходили от методологических установок центра, выстраивали собственные нарративы, периодизацию и ставили во главу угла идею о самоопределении наций.

Юбилейные практики коммеморации получили широкое распространение также в сибирских городах. В проводившихся мероприятиях видятся две параллельные тенденции. Первая связана с передачей политических идей о русской

революции, об освободительной борьбе. Вторая тенденция, проявлявшаяся в коммеморации, – это подчеркивание региональной (сибирской) специфики в отражении исторического события, когда декабристы являлись не только политическими деятелями, но и культурными просветителями. Местные организации стремились показать их вклад, который не был забыт сибиряками, и с этой целью они проводили в областях экспедиционную и поисковую деятельность. В ходе коммеморативной деятельности конструировались «места памяти», посвященные декабристам.

Источники

- НПЮ – *Покровский М.Н., Мицкевич С.И.* Нужно ли праздновать юбилей декабристов // Декабристы. 1825–1925: Сб. ст. и материалов / Под ред. и с предисл. С.Я. Штрайха. – М.: Молодая гвардия, 1925. – С. 19–32.
- Пол.честв. – Полемика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. – 1924. – № 2. – С. 319–322.
- Пам.Герц. – *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит., 1968. – Т. 21. – С. 255–262.
- Подг.юбил. – Подготовка к празднованию 100-летнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. – 1925. – № 4. – С. 296–298.
- ТмС – Театрально-музыкальный справочник // Красная газ. – 1925. – 29 дек. – № 297. – С. 10.
- Кор. – *Корев С.И.* Декабрь в клубе // Советское искусство. – 1925. – № 8. – С. 19–25.
- ГКД – Где казнены декабристы // Красная газ. – 1925. – 20 дек. – № 292. – С. 5.
- КСЮВ – К столетнему юбилею восстания декабристов // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. – 1925. – № 6. – С. 292–293.
- КС – К столетию... // Красная газ. – 1925. – 25 дек. – № 296. – С. 7.
- Чен. – *Ченцов Н.М.* Восстание декабристов: Библиография / Ред. Н.К. Пиксанова. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – XIX, 792 с.
- ОМР – Открытие Музея Революции // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. – 1924. – № 6. – С. 272.
- СП – Страницы прошлого // Красная газ. – 1925. – 8 дек. – № 281. – С. 7.
- Дек1 – Декабристы. 1825–1925: Сб. статей и материалов / Под ред. и с предисл. С.Я. Штрайха. – М.: Молодая гвардия, 1925. – 286 с.
- БД – Бунт декабристов: Юбилейный сборник 1825–1925 / Под ред. Ю.Г. Оксмана и П.Е. Щеголёва. – Л.: Былое, 1926. – 400 с.
- Дек2 – Декабристы: Неизданные материалы и статьи / Под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. – М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. – XVI, 336 с.
- ТОВР – Тайные общества в России в начале XIX столетия: Сб. материалов, статей и воспоминаний. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1926. – 215 с.
- Довн.-Зап. – *Довнар-Запольский М.В.* Декабрьская революция 1825 г. // Голос минувшего. – 1917. – № 7–8, июль-август. – С. 5–75.
- Дек3 – «Українськи декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років / Упор., вступит. ст. та примітки Григорія Казьмирчука, Юрія Латиша. – Київ: Логос, 2011. – 195 с.

- ПКЮД – Подготовка к юбилею декабристов // Власть труда. – 1924. – 27 авг. – № 196. – С. 3.
- Общ.из.кр. – Из жизни Общества изучения края при музее Тобольского Севера // Наш край. – 1925. – № 6. – С. 36–40.
- Г.Р. – Г.Р. К юбилею декабристов (Письмо из Иркутска) // Сов. Сибирь. – 1925. – 12 нояб. – № 259. – С. 9.
- Вег. – Вегман В.Д. К столетней годовщине восстания декабристов // Сов. Сибирь. – 1924. – 9 июля. – № 154. – С. 8.
- ПЮД – Празднование юбилея декабристов // Власть труда. – 1925. – 25 дек. – № 296. – С. 10.
- КЮД – К юбилею декабристов // Власть труда. – 1925. – 3 дек. – № 277. – С. 8.
- Дек4 – Декабристы в Забайкалье: Неизданные материалы / Под. ред. А.В. Харчевникова. – Чита: Изд. Забайкальского отд. гос. геогр. о-ва, 1925. – 116 с.
- Куб. – Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири: Очерки. – Иркутск: Иркутск. губ. архивбюро, 1925. – 217 с.

Литература

1. Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. – 1926. – № 2. – С. 238–250.
2. Нечкина М.В. Украинская юбилейная литература о декабристах // Историк-марксист. – 1927. – № 3. – С. 187–195.
3. Покровский М.Н. Два вооружённых восстания (1825–1905) // Под знаменем марксизма. – 1925. – № 12. – С. 5–16.
4. Виленский-Сибиряков В.Д. Столетие декабристского восстания // Под знаменем ленинизма. – 1925. – № 42. – С. 4–6.
5. Ковалёв М.В. Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940-х годов // Россия XXI. – 2012. – № 3. – С. 120–147.
6. Ковалёв М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е гг.). – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. – 405 с.
7. Казьмирчук Г.Д., Латини Ю.В. Рух декабристів: дискусійні питання та спроба їх розв'язання (до 180-річчя повстання) // Український історичний журнал. – 2005. – № 6. – С. 50–65.
8. Мальшева С.Ю. Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1920-х гг. // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 682–710.
9. Иванов А.А. Исторический факультет Иркутского госуниверситета как центр изучения сибирской политической ссылки XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «История». – 2018. – Т. 24. – С. 165–184. – doi: 10.26516/2222-9124.2018.24.165.

Поступила в редакцию
17.08.2021

Бахтурин Виталий Валерьевич, аспирант кафедры отечественной истории и политологии

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55 а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: bakhturin1997@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.71-85

**The Centenary of the Decembrist Revolt in the Socio-Cultural Context
of the 1920s: Ways of Crafting the Historical Memory**

V.V. Bakhturin

*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia*E-mail: *bakhturin1997@mail.ru*

Received August 17, 2021

Abstract

The article is devoted to the practices of perpetuating the names of the Decembrists in the first half of the 1920s in various geocultural landscapes. The focus is on the anniversary campaign, which included drawing up a program of events, goals and objectives faced by public figures and the scientific association of historians, as well as the methods and means used to reconstruct the past in the regions. These issues were covered based on the materials from a number of periodicals and the anniversary literature of Moscow and Leningrad, the Ukrainian SSR, and Siberian cities. The analysis of the available sources showed that the centenary celebrations of the Decembrist Revolt viewed and represented the events of December 1825 from different perspectives. In the capital cities (Moscow and Leningrad), a political myth about the “first generation of revolutionaries” appeared. The commemorative practices contributed to the consolidation of the revolutionary images of the past in the public consciousness. The Ukrainian SSR was the second major center for celebrating the centenary. The Ukrainian historical science, on the contrary, abandoned the official version of the Decembrist Revolt and created its own narrative, in which the Decembrists were described as “Ukrainian heroes” who stood on the legacy of the independence of Little Russia. Siberia, as a place of exile for convicts and state criminals, supported the revolutionary canon of the center and, at the same time, portrayed the Decembrists as “Siberian enlighteners”. The commemorative practices presented the Siberian cities as the “places of memory” about the Decembrists. The centenary contributed to the nationalization and glorification of the images of the Decembrist Revolt and the exile of the Decembrists to Siberia in the historical memory of society.

Keywords: anniversary, Decembrist Revolt, historical memory, commemorative practices, “places of memory”

References

1. Nechkina M.V. The centenary of the Decembrist Revolt in the anniversary literature (1825–1925). *Istoriĭ-Marksist*, 1926, no. 2, pp. 238–250. (In Russian)
2. Nechkina M.V. The Ukrainian anniversary literature about the Decembrists. *Istoriĭ-Marksist*, 1927, no. 3, pp. 187–195. (In Russian)
3. Pokrovskii M.N. Two armed uprisings (1825–1905). *Pod Znamenem Marksizma*, 1925, no. 12, pp. 5–16. (In Russian)
4. Vilenskij-Sibirjakov V.D. The centenary of the Decembrist Revolt. *Pod Znamenem Leninizma*, 1925, no. 42, pp. 4–6. (In Russian)
5. Kovalev M.V. Between politics and ideology: Metamorphoses of the historical memory of the Russian emigration in the 1920s–1940s. *Rossiya XXI*, 2012, no. 3, pp. 120–147. (In Russian)
6. Kovalev M.V. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940-e gg.)* [Russian Émigré Historians in Prague (1920–1940s)]. Saratov, Sarat. Gos. Tekh. Univ., 2012. 405 p. (In Russian)

7. Kaz'mirchuk G.D., Latish Yu.V. The Decembrist movement: Controversial problems and ways of addressing them (on the 180th Anniversary of the uprising). *Ukrains'kii Istorichnyi Zhurnal*, 2005, no. 6, pp. 50–65. (In Ukrainian)
8. Malysheva S.Yu. Mythologization of the past: Soviet revolutionary celebrations in 1917–1920s. In: *Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues with Time: Memories of the Past in the Context of History]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Krug", 2008, pp. 682–710. (In Russian)
9. Ivanov A.A. The Faculty of History of Irkutsk State University as a center for studying the Siberian political exile of the 19th century. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Istoriya"*, 2018, vol. 24, pp. 165–184. doi: 10.26516/2222-9124.2018.24.165. (In Russian)

Для цитирования: Бахтурин В.В. Столетний юбилей восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов XX века: варианты конструирования исторической памяти // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 71–85. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.71-85.

For citation: Bakhturin V.V. The centenary of the Decembrist Revolt in the socio-cultural context of the 1920s: Ways of crafting the historical memory. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 71–85. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.71-85. (In Russian)